

ТРИ ОРНИТОЛОГА

Судьба объединила эти три имени: Владимир Модестов (1912–1941), Юрий Кафтановский (1912–1942) и Вячеслав Успенский (1912–1943). Все три – ровесники, родились в один год, все три – выпускники кафедры зоологии позвоночных биологического факультета МГУ им. Ломоносова, вместе успешно работали на Севере в области арктической орнитологии, одновременно пошли работать в систему заповедников и поступили в аспирантуру на родную кафедру. В 1941 все трое ушли на фронт. В.М. Модестов и Ю.М. Кафтановский окончили университет на год раньше Вячеслава Успенского и успели защитить кандидатские диссертации весной и летом 1941 г. Их работы были хорошо приняты научной общественностью, изданы после войны, их до сих пор цитируют специалисты. Биографии Модестова и Кафтановского хорошо известны, поэтому мы ограничимся краткими биографическими справками.

Вячеслав Успенский поступил на биофак годом позже товарищей, перед войной он успел написать лишь половину диссертационной работы. Как и Владимир Модестов и Юрий Кафтановский, он героически погиб на фронте, но о его судьбе известно было совсем мало. Чтобы восполнить этот пробел, мы предоставляем слово Игорю Вячеславовичу Успенскому для рассказа об отце.

Владимир Михайлович Модестов¹

(9.09.1912 – 9.08.1941)

Владимир Модестов (рис. 1) родился 9 сентября 1912 года в пос. Юговский Завод. Его отец – художник Михаил Владимирович, мать – Ольга Викторовна. Семья много переезжала с места на место. Владимир окончил среднюю школу в Мстёре Владимирской обл., поступил там же в

¹ При составлении биографической справки использован текст статьи В.В. Бианки (1999). «Владимир Михайлович Модестов» из кн. «Московские орнитологи» М.: Изд. МГУ, с. 342-351.

художественно-промышленный техникум, позднее окончил педагогический техникум в Феодосии (Крым). Работал учителем, позднее заводским химиком (1929–1931).

В 1933 г. поступил на биологический факультет Московского государственного университета. Летом 1936 г. на Звенигородской биостанции выполнил работу по рыбам р. Москвы. Тогда же провел наблюдения за певчими дроздами (Модестов, 1937). Проводил орнитологические исследования в Ленкорани, Астраханском заповеднике, но главным его научным интересом стала орнитология Арктики.

Летом 1937 г. Владимир Модестов вместе с однокурсником Юрием Кафтановским выезжает на Мурманское побережье, друзья были командированы Всесоюзным обществом охраны природы и Зоологическим музеем МГУ. Владимир изучал явление колониальности, особое внимание уделяя роли хищников – серебристых, морских чаек, короткохвостых поморников. Юрий специализировался на изучении чистиковых. Собранные материалы помогли обосновать учреждение заповедника «Семь Островов».

Модестов и Кафтановский привлекли к исследованиям в заповеднике студентов младших курсов Н.Н. Горчаковскую, Н.Ф. Дарскую, Н.Ю. Соколову, И.П. Шибмирёву, Н.Н. Карташёва и Н.Г. Колова.

В июне 1938 г. Владимир Модестов и Юрий Кафтановский окончили Московский государственный университет и вскоре были приняты в аспирантуру. Их аспирантские темы были включены в план заповедника, а сами они были временно приняты туда на работу научными сотрудниками.

13 июня 1939 г. прямо в заповеднике состоялась свадьба Владимира Михайловича Модестова и Нины Юрьевны Соколовой, в то время студентки-зоолога беспозвоночных, впоследствии доктора биологических наук, сотрудника кафедры зоологии позвоночных МГУ, крупного специалиста по бентосу пресных водоемов.

В конце лета и осенью 1938 г. В.М. Модестов участвовал в экспедициях в Кандалакшском заливе под руководством аспиранта К.А.

Воскресенского. Цель экспедиций, выбор места для будущей Беломорской биологической станции, была с успехом выполнена. Летом 1939 г. профессор Лев Александрович Зенкевич заложил фундамент станции.

Летом 1940 г. В.М. Модестов проводил учеты обыкновенной гаги на островах Кандалакшского залива. В августе вместе с Ю.М. Кафтановским они вновь посетили только что созданную Беломорскую биостанцию МГУ.

В том же августе 1940 г. Модестов становится главой научного отдела Кандалакшского заповедника. По предложению Модестова в состав заповедника включен о-в Великий, находящийся через пролив от Беломорской биостанции.

28 мая 1941 Владимир Михайлович блестяще защищает кандидатскую диссертацию «Экология колониально гнездящихся птиц» (руководитель проф. С.И. Огнёв). Диссертация опубликована в пятом томе «Трудов Кандалакшского заповедника». Спустя несколько дней В.М. Модестов вместе с Н.Ю. Соколовой в сопровождении студента 4-го курса Н.Н. Карташёва и художника Г.А. Стребицкого выезжают в Кандалакшу. Научная база заповедника располагалась на о-ве Лодейном. Начаты опыты по инкубации яиц с целью приручения обыкновенной гаги.

О начале войны исследователи узнали несколько дней спустя. 5 июля Нина Юрьевна пишет в письме: «Возможно через несколько дней мы [члены экспедиции МГУ] выезжаем в Москву. Володя неожиданно приехал на день на острова. Сегодня кажется, решительный день для него – узнает, куда его направят. Возможно, в партизанский отряд» (цит. по: Бианки, 1999, с. 350).

В.М. Модестов рвался на фронт, хотя имел бронь. 7–8 августа он написал Нине Юрьевне: «Иду в бой – ночью наступаем. Не волнуйся за меня – всё будет хорошо». Владимир Модестов погиб в этом первом бою. Через месяц с лишним пришла похоронка: «...Похоронен в могиле в р-не г. Куровара К.Ф. ССР».

Нина Юрьевна до конца своей жизни так и не знала точно, где находится могила мужа, по ее предположению это мог быть финский город Куорехвааре (Бианки, 1999). Как нам удалось выяснить с помощью размещенного в интернете «Обобщенного банка данных (ОБД) «Мемориал»» командир взвода 1 мотострелкового полка 42 стрелкового корпуса, лейтенант Владимир Михайлович Модестов воевал на Кандалакшском участке Карельского фронта.

Еще во время военной кампании зимы 1940 г. к западу от Кандалакши по направлению г. Алакуртти была протянута железная дорога. Летом 40-го г. ее достроили до границы. Это была единственная магистраль, по которой шло снабжение частей 14-й армии, удерживающих данный участок фронта (Широкоград, 2001).

В первых числах августа усиленный финский батальон обошел наши части с фланга, вышел к станции Ням и на две недели отрезал пять стрелковых, три артиллерийских полка и другие подразделения 14-й армии от снабжения и связи со штабом, находившимся в Мурманске. Чтобы поддержать этот финский батальон, противник предпринял атаку с фронта в районе Лысой горы (Широкоград, 2001). В последнем письме В.М. Модестова речь идет, по-видимому, о контратаке в ответ на это наступление. Лейтенант Модестов погиб 9 августа 1941 в бою в окрестностях не города, а горы Куровара (на современных картах г. Курувара 376.0 м над уровнем моря, 66°51'30" с.ш. 29°58' в.д.). К «Донесению о безвозвратных потерях личного состава с 8 по 20 августа» (ОБД «Мемориал») в качестве 8 страницы приложена рукописная карта с отметками мест захоронения погибших воинов. Есть на ней и г. Куровара, только отметки о месте нахождения могилы нет. Судя по датам и местам гибели однополчан Модестова, приведенным в том же донесении, наши войска отступали. Это подтверждают и историки (Широкоград, 2001). Советским войскам удалось закрепиться лишь в 4-х км восточнее Алакуртти, на линии старой

государственной границы. Эта линия фронта оставалась неизменной до сентября 1944 г.

Владимир Михайлович Модестов погиб совсем недалеко от Кандалакшского заповедника, о-ва Великого, Беломорской биостанции, поблизости от тех мест, которые так любил и для которых так много успел сделать. На вечере памяти Модестова в январе 1942 г. его научный руководитель Сергей Иванович Огнёв сказал «Как ученый Владимир Михайлович был натуралистом «божьей милостью», любовь к природе страсть к её изучению были его подлинной натурой, его вторым я» (цит. по: Бианки, 1999, с. 348).

Юрий Михайлович Кафтановский²

(10.08.1912 – 3.02.1942)

Юрий Кафтановский (рис. 2) родился 10 августа 1912 г. в старинном городе Новгород-Северском. В 1923 г. семья Юрия переехала в Москву. В 1928 г. Юрий окончил семилетку и поступил в школу со специализацией по счетоводству, затем перешел школу с химическим уклоном, которую окончил в 1930 году. В 1931–1933 гг. он работал лаборантом на фабрике «Парижская коммуна», позднее – в Институте цветных металлов. Осенью 1933 Юрий Кафтановский поступает на биологический факультет Московского университета. Его интерес к орнитологии определился очень рано. В 1935 г. Юрий принял участие в экспедиции в низовья Печоры. Начиная с лета 1937 г., Юрий вместе с другом Владимиром Модестовым начинает орнитологические исследования на Семи Островах. Вторую поездку на архипелаг Юрий совершает меньше чем через год в декабре 1937 – январе 1938 гг. Арктические исследования продолжались и в летние сезоны 1938 и 1939 гг. Юрий уделяет большое внимание кольцеванию чистиковых

^{2 2} При составлении биографической справки использован текст статьи Г.П. Дементьева (1999). «Юрий Михайлович Кафтановский» из кн. «Московские орнитологи» М.: Изд. МГУ, с. 182-191.

на птичьих базарах, это был один из первых опытов кольцевания этих птиц в нашей стране.

Полевой сезон 1940 г. был посвящен сравнительным исследованиям колоний птиц в Астраханском заповеднике.

Весной 1941 Юрий закончил написание своей диссертационной работы. Защита состоялась 2 июля, вероятно, на одном из последних заседаний³ ученого совета в 1941 г. Ученый совет отметил, что по уровню работа Кафтановского соответствует требованиям, предъявляемым к докторскими диссертациям.

После защиты Кафтановский был назначен заведующим научной частью Клязьминского заповедника⁴. В этой должности Юрий проработал всего несколько месяцев, 7 октября он вступает в ряды Красной Армии. В 20-х числах октября перед отправкой на фронт Юрий Кафтановский последний раз заглянул в альма-матер, там он узнал о гибели друга, Володи Модестова. Опять же обратившись к «Обобщенному банку данных «Мемориал»», мы можем уточнить, что младший лейтенант Георгий (так в документах) Михайлович Кафтановский служил адъютантом в 1115-м стрелковом полку 332-й Ивановской стрелковой дивизии 4-й Ударной армии. Ивановской дивизия была названа по месту формирования, напомним, что Ковровский р-н, где находился Клязьминский заповедник, входил тогда в состав Ивановской обл. 1115-й полк участвовал в легендарном параде 7 ноября 1941 г. на Красной площади.

На завершающем этапе битвы за Москву части 4-й ударной армии вышли к г. Демидову Смоленской обл. и, перерезав шоссе Демидов – Рудня, окружили в нем большую вражескую группировку (Еременко, 1965). 1115-й полк оказался во внешнем кольце окружения, по нему пришелся удар 330-й пехотной дивизии противника, подтянутой из района Рудни. Приведем

³ Об этом, в частности, свидетельствует то, что защита докторской диссертации знаменитого генетика И.А. Рапопорта была назначена на последние числа июня 1941 г. Защита вовремя не состоялась. Защитил диссертацию И.А. Рапопорт 5 мая 1943 г., когда приехал с фронта на ускоренные командирские курсы Военной академии им. М.В. Фрунзе, причем в аудитории МГУ все еще висели его таблицы, приготовленные к защите в 1941 г. (Иосиф Абрамович Рапопорт..., 2003).

⁴ Заповедник закрыт в 1951 г.

выдержку из донесения политотдела 332-й Ивановской стрелковой дивизии политотделу 4-й ударной армии о боях за Демидов. Задержка наших войск на рубеже Демидова позволила противнику перебросить сюда из района Рудни, которая вступила в бой с нашей 332-й дивизией: *«В течение ночи со 2 на 3 февраля 1942 года г. Демидов был окружен. Противник подтягивал силы к г. Демидову со стороны Рудни. Части дивизии все время подвергались обстрелу и бомбежке вражеской авиации. Подразделения 1115 сп в течение 3 февраля 1942 г. вели бой в районе д. Титовщина с группами противника, находящимися со стороны г. Рудни. Противник, засевший в г. Демидов, оказывал упорное сопротивление, организовав круговую оборону внутри города. [...] Части дивизии несут большие потери. Так, 1115 сп за 3 февраля 1942 г. потерял около 120 человек, в том числе значительное количество командно-политического состава (точные данные еще не получены). Части дивизии израсходовали почти все свои боеприпасы. Для снабжения передовых частей мобилизованы запасы саперного батальона, заградотряда и других мелких подразделений»* (цит. по: Еременко, 1965).

В этом бою за г. Демидов 3-го февраля (в ночь на 4-е) 1942 г. погиб Юрий Кафтановский. Юрия похоронили в деревне Титовщина, позднее его прах перенесли на воинское кладбище № 3 на северо-западной окраине Демидова (ОБД «Мемориал»).

Научный руководитель Юрия, Георгий Петрович Дементьев (1999, с. 191), вспоминал о своем ученике: «Одаренность его была исключительной, интерес к науке –живой и глубокий». Юрий погиб, защищая Москву, Московский университет, родную кафедру.

Вячеслав Сергеевич Успенский⁵

(21.04.1912 – 1.11.1943)

⁵ Автор данного раздела – И.В. Успенский, сын Вячеслава Сергеевича Успенского.

Об отце, которого мне не пришлось узнать

Никогда я не мог представить себе, что почти через 70 лет после гибели отца мне придется писать о его жизни. Мой очерк нельзя назвать “воспоминаниями”, поскольку последний раз я мог видеть отца в мае 1941 года, когда мне было всего полтора года, и, естественно, моя память этого не сохранила. Остались только фотографии. К сожалению, наша связь с родственниками по отцовской линии была утрачена. Я могу лишь опираться на рассказы моей матери и ее воспоминания, написанные в последние годы ее жизни, разговоры с друзьями отца (пока они были живы), а также, и прежде всего, на его дневники и письма, бóльшую часть которых, к счастью, нам удалось сохранить. Имя отца как ученого-орнитолога, работавшего на Севере, известно меньше, чем имена двух его друзей и коллег, также погибших на фронтах Второй мировой войны. Я хочу воспользоваться предложенной мне возможностью рассказать об отце как о человеке и ученом, жившем в очень непростое время, и о людях, которые его окружали.

Семья

Несколько слов о родителях отца. Его отец, Сергей Васильевич Успенский, в молодости участвовал в просветительской деятельности в рабочей среде, и его родители “от греха подальше” отправили его за границу, в Германию, где он встретился с Верой Константиновной Остроглазовой, также отправленной родителями за границу по той же причине (она преподавала в воскресной рабочей школе). Интересно, что у обоих отцы были православные священники – отец С.В. был приходским священником в одном из бедных подмосковных приходов (о. Василий Успенский), а отец В.К. (Константин Константинович Остроглазов) был настоятелем собора в Дорогомилове, разрушенного в 1930-е гг. Молодые люди встретились в Германии и вернулись в Москву в 1910 году, соединив свои судьбы. В 1910 г. у них родился первый сын, Константин, а в 1912 г. мой отец (рис. 3). В.К. работала учительницей в начальной школе, а С.В. стал врачом и в гражданскую войну служил у “красных”. Там он встретился и сошелся с

Леонильдой Флориановной Федорович, врачом-фтизиатром. После войны они вместе вернулись в Москву и вскоре нашли работу и переехали в г. Богородск (с 1930 г. Ногинск). Пока дети учились в школе, С.В. помогал семье деньгами, а дети часто ездили в Богородск на праздники, в каникулы, или при необходимости какой-то медицинской помощи (отец подробно описывает один из таких случаев, когда ему потребовалась операция на ноге, и С.В. положил его в Богородскую больницу). В.К. последние годы жизни лежала в параличе и умерла в 1930 г. В это же время С.В. оставил Л.Ф. и переехал в Павловский Посад, где в 1940-е гг. заведовал больницей. Он скончался в 1948 г. Л.Ф. принимала участие в жизни нашей семьи, навещала мою мать, когда мой отец по много месяцев бывал в отъездах, помогала матери при моем рождении, во время войны посылала посылки на фронт обоим братьям. После войны она изредка приезжала к нам из Ногинска.

Детские годы, школа

К сожалению, мне очень мало известно о дошкольных годах отца. Семья жила в большой квартире на Б. Дорогомиловской улице. У них была нянька, жившая с ними, которая, по-видимому, в основном и занималась воспитанием братьев. Летом они выезжали в деревню Афанасово Новгородской области, где жила семья их няньки.

Отец поступил в школу в 1920 г. Это было не самое лучшее время для обучения, поскольку система образования подвергалась постоянным реформам. У отца очень рано сформировался свой круг интересов, куда не попали физика и математика. В результате он регулярно переходил в следующий класс “средним”, что впрочем, его не слишком огорчало. Его отношения с одноклассниками ограничивались, в основном, стенами школы. Единственным исключением был Виктор Болдырев, его друг со школьных лет и спутник во многих экспедициях в последующие годы. С 12-ти лет отец начал вести дневник (хотя есть и более ранние нерегулярные записи), что, по-видимому, во многом заменяло ему общение с товарищами. Примерно в это же время он начал писать стихи, а позже делал попытки сочинять

сценарии. У него проявился дар рисования, особенно в карикатурном стиле. Поля его школьных дневников заполнены множеством зарисовок. Он постоянно рисовал карикатуры на учителей и соучеников и, естественно, его выбирали в редколлегии школьных стенгазет.

Посещение школы не было “сильной стороной” моего отца. Я нашел в одном из его дневников за 5-й класс такие “замечательные” строки: “Настала страшная хандра/ и меланхолия была/ хандрил, хандрил, хандрил,/ и в школу мать не послала”.

Бывали, впрочем, и более прозаические причины непосещения школы. В октябре 1926 г. отец пишет в дневнике: “Выпал густой снег и начал таять. Я не имел калош и поэтому не посетил школу”. Но в конце он поставил восклицательный знак, что означает, по-видимому, что это не было для него большим огорчением. Его строго наказывали за прогулы и плохие отметки, но когда его мать тяжело заболела, он оказался предоставлен самому себе.

В это время у него проявилась страсть к “бродяжничеству”: он мог часами бродить по московским улицам и переулкам, по подмосковным лесам и паркам, по лесам вокруг Богородска, куда он часто ездил. При этом он получал наслаждение от пребывания на природе, где он отмечал множество деталей – от цвета неба и формы облаков до пения птиц (которых он с детства уже прилично знал). Позже он освоил велосипед и совершал достаточно дальние пробеги – Москва – Звенигород, Москва – Богородск и др., один или с кем-нибудь из своих сверстников. В последнем классе отец научился ходить на лыжах.

Отец с малолетства много читал. Вначале это были Фенимор Купер и Вальтер Скотт, журнал “Спутник следопыта”, но постепенно круг его чтения неизмеримо расширился. С какого-то момента он становится постоянным посетителем библиотеки Румянцевского музея (с 1924 г. Библиотека им. Ленина). К окончанию школы он прочитал помимо русской и западной классики массу литературы по истории, этнографии, археологии, географии.

Из писателей сильнейшее впечатление произвел на него Сервантес, из поэтов он высоко ценил Багрицкого. В его дневниках встречаются весьма интересные заметки об отдельных произведениях и писателях. Когда у него было хотя бы немного денег, он любил ходить на книжные развалы, рыться в горах старых книг, и, найдя что-то интересное, торговаться с лотошниками, чтобы уложиться в свои скромные сбережения.

Согласно правилам, принятым в тот период, по окончании 9-го класса и прохождения летней практики ученики должны были получить рабочую специальность. Поэтому последние 2 года школы там предполагался производственный уклон, однако никто толком не знал, в какую сторону “уклоняться”. В конце мая 1929 г. после сдачи школьных зачетов ученики были посланы на практику в Мосстрой. Никакой серьезной работы им не давали, и в конце июня отец бросил практику, получив все же справку о ее прохождении. Июль отец проработал электриком в Институте социальных болезней. Когда же в конце сентября собралась квалификационная комиссия, которая должна была дать заключение о профессиональной пригодности учеников, им неожиданно было предложено держать экзамен на чертежника. Большинство, в том числе и отец, экзамена не выдержали и были выпущены из школы как неквалифицированные рабочие. “Стоило учиться 2 года!” - записал отец в дневнике.

Между школой и университетом

В последний год обучения в школе отец постоянно пишет в дневнике о своем желании учиться дальше. Круг его интересов был необычайно широк – от истории и археологии до литературного творчества. Он посещал заседания многочисленных обществ – астрономического, исторического, “Старая Москва”, любителей археологии и др. Однако, с 1923 г. действовал контроль за составом студентов: в высшие учебные заведения принимали тогда исключительно по социальному происхождению (рабочих) и партийной принадлежности (“партийцы” и комсомольцы). На свободный конкурс выделялось ограниченное количество мест, но и их часто заполняли

теми же кадрами. Отец понимал, что его подготовка, особенно по физике и математике, недостаточна для того, чтобы выдержать жесткий конкурсный отбор. Тем не менее он решил готовиться к экзаменам и в октябре 1929 г. поступил на частные подготовительные курсы, где прозанимался до конца мая 1930 г.

Изначально отец хотел пытаться поступать на этнологический факультет 1-го МГУ, но как раз в тот год факультет был реорганизован. После хождения по разным институтам в попытках получить информацию о свободном конкурсе, в начале июня 1930 г. отец подал документы в 1-й МГУ на почвенно-географическое отделение физико-математического факультета. Наступил длительный период ожидания, который он скрашивал велосипедными и лодочными путешествиями, поездками в Богородск и прогулками по лесам. Несколько раз вместе с В. Болдыревым они лазили в пещеры в районе Красной Пахры. Только в конце августа, когда отец очередной раз пришел в приемную комиссию узнать о своей судьбе, ему были возвращены документы с резолюцией, что он “не допущен к испытаниям за недостаточностью мест”. К этому времени было еще можно подать документы на сценарный факультет ГИК'а, но уже через 2 недели отцу возвратили документы с точно такой же резолюцией.

Отец вернулся к временной работе электриком, одновременно поступив на вечерние курсы шоферов. Осенью он устроился на постоянную работу чертежником в организацию с громким названием “Котлотурбина”, одновременно подрабатывая в качестве фотографа для разных журналов (отец увлекался фотографией с детства). Свободное время он проводил в компании своего друга Виктора, его старшего брата Сергея и их друзей, где строились планы дальних поездок и способов их финансирования. Пока же они познакомились с выдающимся археологом И.Я. Стеллецким, который много рассказывал им о раскопках, о подземных ходах, городах и тайниках. Он подарил им свою книжку о кавказских пещерах с надписью “Фото-бригаде ударников-троглодитов от автора”. По его совету они проникли в

дом Голицына, где намечались раскопки, и пытались искать там тайные подземелья. Они лазили по развалинам Китайгородской стены в поисках старинных монет. Когда выдавалось несколько свободных дней, отец ездил в старые города – Дмитров, Борисоглебск, Серпухов и др., где бродил по развалинам крепостных стен, церквей и монастырей, представляя сцены из далекого прошлого.

В марте 1931 г. отец окончил курсы шоферов и с нескольких попыток сдал экзамен по вождению, получив права шофера 3-й категории. В мае он был принят на работу в “Союзтранс” водителем грузовой машины. Стажировка в первые недели оставляла много свободного времени на чтение, общение с компанией Болдыревых, велосипедные поездки, а также на изучение английского языка. Только в июле началась регулярная работа, по 5 дней попеременно в дневную и ночную смены, причем дневная смена продолжалась 10, а иногда и больше часов.

“Вез матрасы. По дороге они сильно сдвинулись на один край. В Столешникове переулке, подъезжая к тротуару, задел фанерную палатку с квасом. Рухнула она очень эффектно, посыпались деньги, сбежалась толпа. Мутный поток кваса струился до Петровки....”

Выматывающая работа уже не оставляла времени и сил на встречи с друзьями, на чтение книг. “Так я вырабатываю свой рабочий стаж”- пишет отец в дневнике.

Братья Болдыревы имели тесные связи с Московским отделением ОПТЭ (Общество пролетарского туризма и экскурсий), которое финансировало групповые туристические походы, особенно если предполагалась какая-нибудь практическая составляющая. В начале 1932 г. представленный ими проект многодневного лыжного похода по Кольскому полуострову был принят. Отцу удалось получить отпуск за свой счет и в марте – апреле он впервые оказался на Севере, “заболев” им на все последующие годы. Около месяца группа (в составе 5 или 6 человек) шла на лыжах по Лапландии, закончив маршрут в Мурманске.

В мае отец вернулся в Москву и, снова сев за баранку автомашины, начал активно подыскивать себе другое место работы. И тут счастье улыбнулось ему. Радикологическая (корнеизучающая) станция, образованная за несколько месяцев до этого, планировала экспедиции в разные концы страны и набирала людей для полевых работ. В. Болдырев, нашедший эту станцию, устроился туда сам и порекомендовал отца. Уже через несколько дней после возвращения с севера отец уволился из “Союзтранса” и был зачислен на станцию “сезонным практикантом”. Его назначили в комиссию по снабжению, где он отвечал за обеспечение планируемых экспедиций продовольствием. Изначально планировалось его участие в экспедиции на Алтай, но затем его определили в кавказскую экспедицию. Начальным пунктом маршрута был Нальчик, откуда экспедиция двинулась по Чегемскому ущелью через перевал Ак-Топрак, затем по Баксанскому ущелью к селению Тегенекли и далее через Сванетию к черноморскому побережью, собрав богатейший материал по корневым системам кавказских растений. После этого отец с Виктором по собственной инициативе побывали в Грузии, оттуда проехали в Баку и только в середине октября вернулись в Москву. Здесь они узнали, что на станции идут массовые увольнения и аресты. После нескольких дней неопределенности они были уволены как “окончившие сезонную работу”.

Начались хождения по разным учреждениям для выяснения возможностей новых экспедиций, а также по учебным институтам, где еще мог быть прием заявлений. Отец пишет: “Я окончательно становлюсь на стезю путешествий, это единственное, к чему меня по-настоящему тянет...Побывав на севере и на юге, я не в состоянии заняться чем-нибудь иным. Дали манят неудержимо. Если бы было высшее образование, путь мой определился бы окончательно. Отсутствие университета здорово чувствуется. Мне нужен ВУЗ, но мне он недоступен...”.

К этому времени отец и Виктор были уже знаком с П.А. Мантейфелем, заместителем директора Московского зоопарка и

легендарным основателем КЮБЗ'а. Зайдя к нему в зоопарк, они узнали, что намечаются экспедиции в несколько северных районов страны для изучения оводов северного оленя и разработки мер борьбы с ними. Через несколько дней Мантейфель представил их комиссии, отбиравшей кандидатов для экспедиций, дав обоим самые лестные характеристики. Комиссия рекомендовала их на полуторамесячные подготовительные курсы, которые начались в первых числах декабря. Было отобрано 6 человек, которых парами должны были направить в 3 района интенсивного оленеводства, Кольский полуостров, Большеземельская тундра и Якутия. Отцу с его неизменным спутником Виктором была определена северо-западная Якутия, более конкретно – Булунский улус (район), расположенный в низовьях Лены.

Перед этим неожиданно был объявлен прием в геолого-разведочный институт, где на открытый конкурс было выделено 30 мест и подано 300 заявлений. Отец решил попытаться, не очень, впрочем, рассчитывая на успех. Однако после двух экзаменов конкурс без всяких объяснений был отменен.

Между тем, занятия на курсах шли достаточно интенсивно. Проходили биологию оленя, экономику и организацию оленеводства, общую энтомологию. Отец жадно читал все, что можно было достать о Якутии (в том числе “Описание Жиганского улуса” протоиерея Хитрова середины 19-го века). Он рассчитал, что их путь по маршруту Москва–Иркутск–Якутск–Верхоянск–Булун на поезде, аэроплане, лошадях, оленях и, может быть, собаках может занять до 36 дней. Однако решение организационных вопросов и проблем снабжения сильно отставали от темпов преподавания. Занятия закончились в начале февраля 1933 г., но еще не были подписаны договора, соответственно не были выделены деньги для необходимых закупок, делались попытки урезания первоначально утвержденной сметы. Только в конце февраля отец с Виктором смогли покинуть Москву и в середине марта они добрались до цели. Дневника, посвященного этой экспедиции, я никогда не видел, и я думаю, что он отдал его Виктору, который потом много раз бывал и работал в Якутии. Хочу упомянуть только

один известный мне факт – покидая Якутию и ожидая лошадей на одной из станций, они встретили Николая Григорьева, молодого геолога, горячо влюбленного в север, с которым они мгновенно подружились. Встреча эта закончилась весьма нетривиально – новый знакомый попросил у них взаймы 2 тысячи рублей, поскольку из-за бюрократической волокиты срывалась его работа, и они, проникнувшись к нему глубокой симпатией, немедленно дали ему требуемую сумму. Их дружба продолжалась всю жизнь.

Университет

В Москву отец с Виктором вернулись в мае 1934 г. Первый визит после возвращения был, естественно, в зоопарк к П.А. Мантейфелю. Из дневника отца: “Мы похвалились было нашими наблюдениями по биологии слепней. “Дядя Петя” каверзно спросил: “А спаривание оводов видели?” Пришлось сознаться, что нет”. В зоопарке была начата окончательная обработка большого материала, который удалось собрать за прошедший год. Работа якутского отряда была признана лучшей из всех 3-х отрядов.

Параллельно отец начал готовиться к поступлению на биологический факультет Московского университета, куда уже начался прием заявлений. В том году был, наконец, отменен прием по социальному происхождению и стало возможно поступить по конкурсу. Поскольку школьные знания отца изрядно повыветрились за эти годы, он решил пойти на вечерние двухмесячные подготовительные курсы. При этом одновременно ему приходилось посещать курсы допризывной военной подготовки, и отец не был уверен, что его не призовут вместо университета в армию. Конкурс на биофак был 400 человек на 150 мест. Отец был принят, получив на 5-ти экзаменах 3 оценки “хорошо” и 2 “удовлетворительно”. Ему была назначена стипендия в 82 руб.

К этому времени отец был окончательно поглощен экспедиционной стихией, “стихией дальних странствий”. Интересны его первые впечатления от пребывания в университете. “Я чувствую себя в ВУЗ’е немного не на месте....Два года скитаний как-то отдаляют нас ото всех здесь. Мы жили не

тем. Мы бродяги, любящие и выдавшие дали”. (Через много лет тогдашний друг и спутник отца Виктор Болдырев подарил мне только что вышедшую в Советском Союзе книгу Тура Хайердала со следующей подписью: “...нам бы с твоим отцом такое путешествие было по нраву и по плечу”).

Первый семестр был для отца особенно труден в смысле перехода на упорядоченный режим занятий с постоянным отвлечением на всякого рода общественные мероприятия. В октябре студентам приходилось каждое утро (с 8 до 12) работать на строительстве метро, а мужчинам вечерами еще заниматься “шагистикой” в преддверии октябрьского парада. В это же время отец был избран организатором кружка “Общей биологии” (который просуществовал лишь год), редактором групповой стенгазеты *Potiamur Scientia* (в моем вольном переводе “Осваивающие науку”), где он был и за художника, и за поэта. В рамках движения “За культуру” дважды в месяц он посещал лекции по западной литературе. Одновременно он продолжал обрабатывать материалы их якутской экспедиции и работать над брошюрой об оводах северного оленя.

В начале второго семестра медицинское обследование выявило у отца *Spina bifida*, родовой дефект, заключающийся в неполном зарастании одного из участков позвоночника. В результате он был признан “годным к нестроевой службе”, что привело к необходимости догонять “невоенную” группу по ряду предметов. Мужская часть курса биофака делилась в те годы на годных к военной службе без ограничений (их называли “военные мальчики” и они учились на 1 год дольше) и имевших какие-либо ограничения, к которым приписали моего отца. Медицинское заключение ввергло отца на какой-то период в состояние сильной депрессии, поскольку он решил, что для него закрыты экспедиционные поездки. Летом по рекомендации врачей он поехал в Саки для лечения грязями. Ему удалось купить “курсовку”, т.е. лечение и питание в санатории, с самостоятельным проживанием. Особого результата лечение не дало. В сентябре по бесплатной

путевке ОПТЭ он на несколько дней съездил в Мичуринск в питомники покойного селекционера.

На втором курсе отца выбрали организатором кружка биологов-натуралистов, но здесь произошла странная история. Тогдашний зам. декана факультета С.Д. Юдинцев заподозрил отца в принадлежности к КЮБЗ'у (что не соответствовало действительности) и потребовал его замены. По-видимому, у Юдинцева были какие-то предубеждения против КЮБЗ'а. Отец в это время заболел и попал в больницу, а его товарищи скрывали этот факт от него. К счастью, отца это не слишком задело. Вместо отца руководить кружком стал Юра Кафтановский. На 2-м курсе отца избрали профоргом группы. На соревнованиях по стрельбе он получил значок "Ворошиловский стрелок". В это же время он начал много писать в разные журналы и газеты, в "Юный натуралист", "Комсомольскую правду", и др. о своих поездках и впечатлениях. Естественно, что большинство заметок нового автора так и не увидели света. Зато была, наконец, издана их совместная с Виктором брошюра "Кожный и носовой овод северного оленя", а также художественный плакат "Все на борьбу с кожным оводом северного оленя". Предисловие к брошюре написал П.А. Мантейфель.

В этот год отец неоднократно выезжал в природу, в том числе на Звенигородскую биостанцию. Тогда же определился его интерес к кафедре зоологии позвоночных. Поэтому он был очень огорчен, получив на экзамене у С.И. Огнёва только "хорошо", не назвав представителей примитивных акул и латинского названия утконоса. После экзаменов была короткая практика в Лужках, по окончании которой они с Виктором организовали при финансовой поддержке биофака поездку группы студентов в Таджикистан на озеро Искандер-Куль. Помимо отца и Виктора в поездке участвовали М. Алексеева, Д. Бибилов, О. Крыжановский и еще 2 или 3 студента. В течение месяца, с конца августа до конца сентября, они отлавливали мелких грызунов, проводили учеты птиц, собирали насекомых, брали пробы планктона, собирали гербарий. Отец с Виктором совершили несколько

весьма рискованных вылазок в горы, в частности к могиле известного таджикского имама Хаджи Исхака.

В 1935-1936 гг. отец подружился с моей матерью, Ириной Владимировной Воронкевич, его однокурсницей, и весной 1937 г. они поженились. Переезд матери к отцу происходил весьма романтично. Мать жила тогда в общежитии университета в Останкино. Для выноса вещей из общежития требовался специальный пропуск со множеством подписей (обходной листок). Поскольку все вещи матери помещались в одном плетеном сундучке, она передала его отцу в окно (благо ее комната находилась на первом этаже), а сама вышла без вещей через проходную.

Отец в то время жил в проходной комнате вместе с их няней, а в соседней комнате жил его брат с женой и сыном. До революции эта квартира принадлежала их семье, но теперь превратилась в типичную для того времени коммунальную квартиру. Отцу с братом удалось разменять их комнаты на две, и в конце 1937 г. отец с матерью переехали в поселок Сокол, в крохотную комнату в 3-комнатной квартире с еще двумя семьями. Здесь прошли 3 с небольшим года их совместной жизни, здесь появился на свет я, и отсюда отец уехал в свою последнюю экспедицию, чтобы уже никогда сюда не вернуться.

К этому времени отцу удалось наладить контакты с рядом изданий, где начали публиковать его очерки и рецензии. Главными “потребителями” его продукции были популярные в то время журналы “На суше и на море” и “Наша страна”. Отец любил писать, писал легко и быстро. Кроме удовлетворения его внутренней потребности, это давало и некоторую прибавку к скудной стипендии.

После 3-го курса (1937 г.) отец отправился в Лапландский заповедник. Он работал вместе с сотрудником заповедника Львом Осиповичем Белопольским, выпускником биофака, известным полярником, участником плаваний на “Сибирякове” (1932) и “Челюскине” (1934), дважды орденосцем, что по тем временам было большой редкостью (рис. 4). С

этого времени между ними установились дружеские и рабочие отношения, которые продолжились позднее во время работы в заповеднике “Семь островов”. В Лапландском заповеднике отец вместе с Л.О. занимался мышевидными грызунами, и помимо этого изучал орнитофауну. Очень полезным для него было знакомство с О.И. Семеновым-Тянь-Шанским, будущим патриархом Лапландского заповедника, прекрасным знатоком местных фауны и флоры. В это же время в заповеднике находились и другие студенты биофака (Д. Бибииков, Н. Дарская и др.). В конце сезона туда же приехала и моя мать, и они с отцом съездили в Кировск в Ботанический сад. В сентябре они поехали в Кустанай навестить родителей матери. В этот приезд они в последний раз видели отца моей матери – в январе 1938 г. его арестовали и в ноябре того же года расстреляли (точную дату его гибели мы узнали лишь в 1990 г., хотя он был реабилитирован еще в 1957 г.).

К этому времени Л.О. активно продвигал проект организации орнитологического заповедника на островах у восточного побережья Баренцова моря (рис. 5). Идея организации такого заповедника принадлежала А.Н. Формозову, который побывал на о-ве Харлове, самом крупном острове этой группы, еще в 1929 г. Сам Л.О. работал на Харлове летом 1935 г., а в 1937 г. орнитологическая секция Общества охраны природы направила туда студентов МГУ Ю. Кафтановского и В. Модестова. Наконец, 20 мая 1938 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР все семь островов этой группы были объявлены заповедником общегосударственного значения с главной задачей охраны и изучения ценных видов птиц, прежде всего гаги. Л.О. Белопольский был назначен директором заповедника, а моему отцу выпало стать его первым научным сотрудником.

“Семь островов”

Уже через несколько дней после издания этого постановления отец вместе с Юрой Кафтановским выехали поездом через Ленинград в Мурманск. Очевидно, отец сдал экзаменационную сессию досрочно, а Юра, уже окончивший биофак, но еще не сдавший государственного экзамена, не

мог удержаться от заманчивого предложения вновь поработать на островах. 27 мая они высадились на Харлове. Первый сезон работы был невероятно трудным. Жили в палатках или в полуразрушенных постройках без окон и дверей, с дырами на крышах. Необходимо было получить поддержку местного населения (на материке) и убедить их в необходимости перенести выпас оленей (разорявших гагачьи гнезда) с островов на материк. Нужно было начинать систематическую борьбу с браконьерством. И, конечно, нужно было вести научную работу. Успех был определен фантастическим организаторским талантом и напористостью Белопольского и энтузиазмом его сотрудников.

Кафтановский проработал в заповеднике в тот год лишь один месяц, но это был самый важный первый месяц, когда он смог передать отцу свой прежний опыт. Отец работал на островах до конца августа, исполняя также обязанности заместителя директора. С ним работал Коля Колов, студент-практикант, и рабочий, помогавший кольцевать птиц. Несмотря на все трудности первого года, за 3 месяца удалось провести полный учет орнитофауны и собрать большой материал по биологии разных видов птиц. Результатом стала статья отца «Птицы заповедника «Семь островов», опубликованная в первом выпуске Трудов заповедника. Личный интерес отца был связан с гагой, ее биологией, экологией, возможностями искусственного разведения, защитой от хищников. Это была его дипломная работа, где его руководителем (как и в работе в Лапландском заповеднике) был молодой профессор биофака А.Н. Формозов. Перипетии этого года отец описал в небольшой книжке «Острова в океане», изданной в Детиздате в 1940 г.

Последний курс был для отца исключительно напряженным. Для начала предстояло сдать тяжелый зачет по большому практикуму. Собранный летом материал также требовал срочной обработки. В частности, нужно было отпечатать огромное количество фотографий, что по тем временам было весьма трудоемким делом. К тому же он был выбран

старостой группы. В это же время ухудшилось здоровье моей матери. Арест ее отца, естественно, очень сильно повлиял на нее. Отец старался больше писать, теперь исключительно для заработка, чтобы обеспечить мать нормальным питанием и возможностью поехать в санаторий. Тем не менее даже при такой нагрузке он смог успешно сдать последнюю сессию и поспешил в заповедник, куда он смог попасть только во второй половине июня. Мать была к этому времени беременна мною.

В этот год в заповедник приехало значительно больше народа. Здесь были студенты-практиканты МГУ, выполнявшие научные работы (Н. Горчаковская, Н. Дарская, Н. Соколова, Н. Колов и др.), сотрудница Естественно-научного института им. П.Ф. Лесгафта Д.В. Рольник, изучавшая развитие терморегуляции у птенцов северных птиц. Здесь же еще с конца апреля работали его друзья-орнитологи, ныне аспиранты биофака, Юра Кафтановский и Володя Модестов. Позже приехала жена Белопольского, Мария Михайловна, в то время аспирантка Ленинградского университета, собиравшая материал по паразитофауне птиц. Наезжали “киношники”, снимавшие экзотические кадры работы на птичьих базарах. Естественно, как во всяком большом коллективе, периодически возникали конфликты. Отец «во всех этих историях держал строгий нейтралитет, полагая, что каждый человек имеет право на свои недостатки”.

К сентябрю все постепенно разъехались. Отец как сотрудник заповедника, да к тому же заместитель директора оставался на острове, ожидая приезда Белопольского с деталями сборного дома, который предполагалось поставить к следующему сезону. Отца должны были призвать на воинскую службу, но Белопольскому удалось добиться для отца отсрочки от призыва и перевода его на специальный воинский учет. “Мы не можем оголять такие важные участки” - сказали в военкомате. В начале октября прибыло судно с деталями дома, разгружать который пришлось в сильнейший шторм, который разметал многие части дома, связанные в

плоты. Понадобилось несколько дней, чтобы собрать все, что удалось найти по берегам.

Наконец отец получил телеграмму о моем появлении на свет. Его ответная телеграмма гласила: “Получил телеграмму сегодня очень рад назвать сына Роальдом честь Амундсена целую всех Слава”. Моей бабушке удалось, однако, отстоять для меня менее звучное имя. Ее аргумент: “Я не хочу, чтобы моего внука дразнили во дворе Роликом” - возымел свое действие. В Москву отец смог вернуться только в ноябре.

В 1940 г. отец выехал в заповедник в середине апреля. В Мурманске ему пришлось задержаться по делам заповедника. Он пишет: “Вечера я проводил у Б.П. Мантейфеля, который любезно разрешил рыться в своих дневниках (поиски заметок о птицах). ... Мантейфель прекрасно рассказывает (также как и его отец, которого он вообще очень напоминает). Вечера у Мантейфеля – самые приятные воспоминания о Мурманске”. С середины мая до середины августа отец, в основном, находился на острове Б. Лицком, ведя наблюдения за гагой, ставя опыты по выращиванию искусственно выведенных птенцов, которых поставляла ему Д.В. Рольник со своими студентами. Испытывались разные типы искусственных гнезд. С ним, как и в прежние годы, работал Н.И. Широколов. Часть времени ему помогал в работе Д. Терновский, студент П.А. Мантейфеля из пушно-мехового института. Помимо этого приходилось, как и в прошлые годы, бороться с браконьерами и выезжать на остров Харлов на время отсутствия Белопольского. В тот год на Харлове в уже построенном, хотя еще и не обставленном 8-ми комнатном доме находилось 13 студентов-практикантов (не только из МГУ, но также из Томска и Горького, и из института Лесгафта). Там же жили и работали сотрудники – М.М. Белопольская, Д.В. Рольник, руководитель практики М. Слепцов и др. В 1940 г. работы отца по гаге были представлены на ВСХВ (Всесоюзной Сельскохозяйственной Выставке).

В конце августа отец вместе с Белопольским принял участие в 84-м рейсе легендарного “Персея” на Новую Землю. Дело в том, что Белопольский

вынашивал идею расширения территории заповедника на запад (Айновы о-ва) и на восток (южная часть Новой Земли). Рейс “Персея” давал хорошую возможность провести рекогносцировочную оценку восточного участка. В результате этого рейса идея получила хорошее обоснование, но реализовать ее удалось уже в послевоенные годы (Карпович, 1988).

Вернувшись в Москву, отец засел за диссертацию, в феврале 1941 г. закончил основную часть работы и отдал печатать ее машинистке. В апреле Белопольский телеграммой вызвал отца в Ленинград, после чего они выехали в Мурманск. В начале мая на Харлове собрались М.М. Белопольская, Н. Горчаковская, Н.И. Широколобов, отец и двое рабочих. Весна в том году выдалась поздняя, и отец вынужденно сидел на Харлове, занимаясь оформлением своей диссертации. На пару дней удалось сходить на боте за 50 км на восток, обследовать птичьи базары на материке. Только в конце мая отцу удалось перебраться на его любимый Б. Лицкий, где в начале июня к нему присоединился студент биофака Л. Уткин. Помимо гаги, отец занялся изучением экологии и биологии пуночек и крачки. Его последнее письмо в Москву датировано 19 июня 1941 г.

Война

“О войне я узнал чуть ли не 8 дней спустя после ее начала. Немецкий самолет с желтыми концами крыльев, пролетевший над нашим островом, был первым вестником войны” – пишет отец в письме. Пришлось срочно свертывать работу, маскировать дом, строить бомбоубежище. 18 июля отца вызвали в военкомат, и он вместе с другими мобилизованными, пересаживаясь с судна на судно, добрался до Мурманска. Как командира запаса, годного к нестроевой службе, его направили в батальон аэродромного обслуживания недалеко от Мурманска, где он был определен в отдел интендантской службы заведующим делопроизводством. Строевые и командирские занятия в первой половине дня, канцелярская работа во второй, плюс регулярные ночные дежурства составляли ежедневную рутину аэродромной жизни. Периодически их посылали на разные работы –

заготовка дров, прокладка дороги и пр. Аэродром, на котором они базировались, еще не был закончен, и поэтому подвергался только спорадическим налетам вражеской авиации.

Больше всего в первые недели отца тяготило отсутствие информации о нас с матерью. Он писал письма и посылал телеграммы всем родственникам и друзьям, кто мог что-то знать о нас. Только в середине августа он узнал, что мы благополучно добрались до Куйбышева к родственникам матери, где в это время была и моя бабушка. Отец безумно волновался о нас, нашем здоровье, питании, быте. Он использовал любую свободную минуту, чтобы написать хотя бы маленькую открытку. Помимо своего денежного аттестата, отец переводил нам все появляющиеся у него деньги.

К сентябрю наладилась переписка и с другими адресатами. Его брат Костя тоже был в армии. Большое письмо прислала из Москвы Наташа Горчаковская. Из него отец узнал о гибели Володи Модестова и о судьбе работников заповедника. Отец начал получать письма от младшей сестры матери Людмилы. Основная проблема была в “медлительности почты” (письма из Куйбышева шли от 2-х до 3-х недель) и в частой смене адреса отца впоследствии, из-за чего он часто получал более свежие письма раньше, чем предыдущие.

Канцелярская работа очень быстро опротивела отцу, и он подал заявление с просьбой о переводе его в какую-нибудь армейскую газету. Однако для работы в газете надо было иметь звание политрука (т.е. быть членом партии), в то время как отец был лишь техник-интендант 2-го ранга. В октябре в их части сократили штаты, и отца вывели в резерв, что привело к прекращению его делопроизводительской деятельности. Во время командировки в Мурманск он неожиданно встретил Белопольского, от которого узнал все новости о заповеднике. В декабре отца вместе с другими резервистами вызвали в Мурманск, откуда отправили в Беломорск для получения дальнейшего назначения. Там он сделал еще одну неудачную

попытку устроиться во фронтовую газету. После довольно долгого ожидания, он был определен в 112-й запасной стрелковый полк в резерв комначсостава, а в январе 1942 г. его послали на 3-х месячные курсы младших лейтенантов. В конце апреля отец успешно сдал экзамены и получил звание лейтенанта. За это время из писем он узнал о гибели Юры Кафтановского, с которым был особенно дружен. Кроме того, он получил письмо от брата, который обслуживал спецмашину связи на одном из южных фронтов. Было письмо от Н.И. Широколобова, который вместе с другими охотниками занимался добычей рябчиков для снабжения Мурманска продовольствием.

Отец был направлен командиром взвода в отдельную лыжно-стрелковую бригаду, базировавшуюся недалеко от Мурманска. Однако буквально через месяц его неожиданно вызвали в Мурманск для участия в экспедиции на птичьи базары Новой Земли. Начальником экспедиции был Л.О. Белопольский, отец был назначен его заместителем. Целью экспедиции было помочь городу, и в первую очередь госпиталям, продовольствием – яйцами кайры и птицей с огромных новоземельских птичьих базаров. Эта история получила освещение в печати (Анциферов, 1964,1965; Чертков, 1985,2010; Краснов, 2011) и даже стала сюжетом фильма С.Д. Арановича “Летняя поездка к морю” (Краснов, 2011), Так что я напишу о ней коротко. Отец попал на мотобот “Осетр” 13 июня, и они сразу же вышли в море. На следующий день у берегов Харлова они встретились с Белопольским и вторым судном “Исследователь”. За островом Колгуев “попали во льды и долго толкались в них”. К Новой Земле подошли 24 июня. Кладка у кайры уже началась, что создало определенные трудности – пришлось проверять яйца и отделять “запаренные”. В Мурманск они вернулись 28 августа. Отец пишет, что за эту поездку собрал “материал на десятки очерков и книг. Я исписал 4 больших блокнота, и там, конечно, лишь квинтэссенция”. Пока шли разгрузка, писание отчетов, денежные расчеты отец сумел написать пару очерков для газеты “Полярная правда”, и они сразу же были опубликованы.

11 сентября отец был в отделе кадров и получил направление в свою прежнюю часть. По прибытии туда он был назначен командиром стрелкового взвода отдельного лыжного батальона. Через несколько дней их неожиданно перебросили из района Мурманска южнее, в район станции Кочкома. Из северной тундры они попали в дремучую тайгу. Это был Карельский фронт, где в тот период шли позиционные бои на нескольких отдельных направлениях. Часть отца оказалась на ребольском направлении. Обе стороны ограничивались на этом этапе разведывательно-диверсионными действиями – рейды в тылы противника, иногда многодневные, засады, караулы, охрана собственных тылов. Зимой 1942-1943 гг. отец со своим взводом принимал активное участие во всех этих действиях, пройдя около 2 тыс. км на лыжах, сломав 3 пары лыж и износив 2 пары валенок. К маю, когда снег и лед сошли, и открылись многочисленные болота, боевая активность снизилась. Появилась возможность охоты, что вносило разнообразие в их рацион. Отец пишет: “Мы берем от леса все, что он может дать: и хвою для витамина С, и березовый сок, и клюкву”.

В июле отец был послан на 7 дней в дивизионный дом отдыха - “спать, есть и читать книги, от которых начал отвыкать”. Во взводе, помимо занятий и тренировок, занимались ремонтом землянок, заготовкой дров, сенокосом и пр. Отец начал опять писать небольшие очерки и рассказы для газет. Пришло письмо от брата, который побывал в Москве для ремонта своей связной машины – он поседел. Н. Горчаковская сообщала о московских новостях. Из ее письма отец узнал о выходе 1-го тома трудов заповедника, где была помещена его большая статья. В это время А.Н. Формозов с Н.И. Калабуховым предпринимали усилия, чтобы перевести отца на должность армейского зоолога. Пока что дело ограничивалось обещаниями людей, от которых это зависело, “иметь в виду”. Неожиданно в августе отца вновь послали в дом отдыха, на этот раз в настоящий офицерский, расположенный в бывшем санатории, сроком на 14 дней. Отец просил заменить ему этот отдых на поездку к семье, но ему отказали. Он исходил все окрестные леса,

наслаждаясь нетронутой природой, а также “освоил основы игры в бильярд, знание которой необходимо офицеру”. Хорошо отдохнувший, он по возвращении присоединился к своему взводу, который находился в боевом охранении.

Осенью возобновились боевые действия, и сразу же его взвод принял бой. Впервые отец пишет в письме домой об убитых и раненых среди его подчиненных. В конце октября взвод отозвали из охранения, и они вернулись в часть. В последнем письме, написанном 23 октября, отец посылает 2 своих рассказа, опубликованных во фронтовой газете. Через несколько дней отряд, в состав которого входил и взвод отца, был послан в глубокий тыл противника для уничтожения важного укрепленного пункта. При движении ночью командир допустил ошибку, и отряд вышел к цели не затемно, как планировалось, а уже при свете дня. Отец предлагал пересидеть светлое время в лесу, но командир отряда приказал атаковать. Отец поднял взвод в атаку и упал – пуля финского снайпера попала ему в висок. Атака захлебнулась. Бойцы вынесли тело отца из-под огня. Он был похоронен в братской могиле на 59-м км Ребольского тракта. Через 6 дней от прямого попадания снаряда в машину связи погиб брат отца Константин.

Послесловие

В страшной войне, развязанной двумя величайшими преступниками 20-го века, была истреблена подавляющая часть мужского населения целого поколения. Поэтому особой благодарности заслуживают уцелевшие представители этого поколения, которые смогли передать силу и дух своего поколения детям погибших. Я благодарен моей матери Ирине Владимировне Воронкевич, которая сумела сберечь дневники и письма отца и записать то, что сохранила ее память. Я счастлив, что мне удалось общаться с ближайшими друзьями моего отца, журналистом, писателем и неугомонным “бродягой” Виктором Николаевичем Болдыревым и одним из ведущих специалистов-мерзлотоведов, исследовавшим Арктику и Антарктику, столь же неугомонным “бродягой” Николаем Филипповичем Григорьевым. Мне

удалось побывать в местах, где работал мой отец – в Мурманске и Кандалакше, на Мурманском берегу, у Новой Земли и о-ва Колгуев. Моей дипломной работой в университете руководила вдова Владимира Михайловича Модестова Нина Юрьевна Соколова. Моим оппонентом на защите диссертации и благожелательным рецензентом ряда статей был однокурсник отца Валент Викторович Кучерук. С Натальей Николаевной Горчаковской мы работали над одной проблемой, хотя и служили в “конкурирующих” институтах. Я уверен, что общение с этими и с другими людьми этого поколения было важной составляющей моего становления как ученого и как человека.

Благодарности

Моя самая большая благодарность Н.А. Формозову за его идею издания этого выпуска, посвященного памяти трех орнитологов, которые обещали стать гордостью отечественной науки. Я благодарен ему за предложение написать биографию отца, за поиск публикаций моего отца, за участие в исследовании всех фактов, относящихся к биографии отца. Моя особая благодарность Л.В. Голубевой (сестре моей матери, единственной из ныне живущих, кто знала отца) за опознание нескольких неизвестных мне фотографий отца и за уточнение ряда деталей его биографии, и Н.В. Голубевой за присылку многих полезных для написания данной статьи материалов. Я благодарен Б.Я. Виленкину, Ю.Б. Мантейфелю и М.В. Мине за уточнение ряда деталей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анциферов В.*, 1965. Экзамен на мужество. Новое о героях секретного рейса. Советская Россия, 30.01.1965. с. 3.
- Бианки В.В.*, 1999. Владимир Михайлович Модестов // Московские орнитологи. М.: Изд. МГУ. С. 342 – 351.
- Дементьев Г.П.*, 1999. Юрий Михайлович Кафтановский // Московские орнитологи. М.: Изд. МГУ. С. 182 – 191.
- Еременко А.И.* 1965. В начале войны. М.: Наука. 273 с.
- Иосиф Абрамович Рапопорт – учёный, воин, гражданин. 2003. Сост. О.Г. Строева. М.: Наука. 335 с.
- Карпович В.Н.*, 1988. Кандалакшский заповедник. В: Заповедники европейской части РСФСР, ч. 1, М.: Мысль. С. 20 – 60.
- Краснов Ю.В.*, 2011. Л.О. Белопольский: экспедиция на птичьи базары Новой Земли. // Мир птиц. № 39. С. 34 – 39.
- Чертков В.*, 1985. На крик кайры. Правда, 10.02.1985, С. 3. – 2011. На крик кайры. // Московский литератор, 05 (269)
- Широкоград А.Б.*, 2001. Северные войны России. Под общ. ред. А. Е. Тараса. М.: ООО "Издательство АСТ". 848 с.

**Избранные научные труды Ю.М. Кафтановского, М.В. Модестова и
В.С. Успенского**

- Болдырев В.Н., Успенский В.С.*, 1936. Кожный и носовой овод северного оленя. М.-Л.: КОИЗ. 52 с.
- Дементьев Г.П., Кафтановский Ю.М.*, 1939. Об одной анатомической особенности бескилевых птиц и пингвинов в связи с вопросом о систематическом положении этих групп. // Зоол. журн. Т. 18. Вып. 5. С. 904 – 907.
- Кафтановский Ю.М.*, 1938. Колониальное гнездование кайр и факторы, вызывающие гибель яиц и птенцов. (По наблюдениям на острове Харлов, Восточный Мурман) // Зоол. журн. Т. 17. Вып. 4. С. 695 – 705.
- Кафтановский Ю.М.*, 1938. Материалы по биологической анатомии ястреба-тетеревятника (*Accipiter gentilis*, Linn.) // Зоол. журн. Т. 17. Вып. 6. С. 1071 – 1079.
- Кафтановский Ю.М.*, 1941. Зимовки птиц в заповеднике «Семь Островов» // Тр. гос. заповедника «Семь Островов», вып. 1. Главн. Управл. заповедн. зоопарк. зоосад., М. С. 47 – 52.
- Кафтановский Ю.М.*, 1941. Опыт сравнительной характеристики биологии размножения некоторых чистиковых // Тр. гос. заповедника «Семь Островов», вып. 1. Главн. Управл. заповедн. зоопарк. зоосад., М.: С. 53 – 73.
- Кафтановский Ю.М.*, 1951. Чистиковые птицы Восточной Атлантики (под ред. проф. С.И. Огнёва). М.: Изд-во МОИП. 170 с.
- Кафтановский Ю.М.*, 1953. Некоторые вопросы экологии баклана в дельте Волги и организация борьбы с ним // Преобразование фауны позвоночных нашей страны. М.: МОИП. С. 37 – 45.

- Кафтановский Ю.М., Модестов В.М., 1941.* Птичьи базары Семи островов. // Природа и социалистическое хозяйство. Вып. 8. Ч. 2. М.: Всеросс. Об-во Охраны Природы. С. 374 – 385.
- Модестов В.М., 1937.* К вопросу о гнездовом периоде певчего дрозда (*Turdus ericetorum philomelos*, Brehm). // Зоол. журн. Т. 16. Вып. 4. С. 700 – 705.
- Модестов В.М., 1939.* Питание чаек Восточного Мурмана и роль их в формировании и жизни птичьих базаров. (По наблюдениям на о. Харлов) // Сб. научн. студ. Работ МГУ, Вып. 9. С. 83 – 113.
- Модестов В.М., 1943.* К экологии гнездового периода чаек в дельте Волги. // Зоол. журн. Т. 22. Вып. 2. С. 92 – 101.
- Модестов В.М., 1967.* Экология колониально гнездящихся птиц (по наблюдениям на Восточном Мурмане и в дельте Волги). // Тр. Кандалакшского з-ка. Вып. 5. М.: Лесная промышленность. С. 49 – 154.
- Успенский В.С., 1940.* Методика биологической съемки в заповеднике “Семь островов”. Научно-метод. зап. Главн. Управл. по заповедн., вып. 7. С. 29 – 34.
- Успенский В.С., 1941.* Птицы заповедника “Семь островов”. (Видовой состав и данные учета авифауны летом 1938 г.). // Тр. гос. заповедника “Семь Островов”. Вып. 1. Главн. Управл. заповедн. зоопарк. зоосад., М.: С. 5 – 46.
- Успенский В.С., 1946.* Гага и гагачье хозяйство. Главн. Управл. заповедн. зоопарк. зоосад., М. 36 с.

THREE ORNITHOLOGISTS

This issue of *Zoologicheskiy Zhurnal* is dedicated to the memory of three ornithologists who specialized in Arctic birds – Vladimir Modestov (1912–1941), Yuriy Kaftanovsky (1912–1942) and Vyacheslav Uspensky (1912 – 1943). All three of them were very promising scientists and naturalists. They accomplished an extraordinary amount before dying, one after another, on the battlefields of the Second World War. Modestov’s and Kaftanovsky’s biographies are well known, and presented in brief here. But the fate of Vyacheslav Uspensky was unknown until recently. The third part of this article (“My Father Whom I Never Knew”) was written by Uspensky’s son Igor. Vyacheslav Uspensky studied the Common Eider (*Somateria mollissima* (L.)) in the Seven Islands Nature Reserve near the Murman coast of the Barents Sea in 1938 to 1941. His biography has been written with the help of his diaries from his school and university years, including his field observations in various parts of Russia. His letters to his wife from the reserve and from the army, as well as the stories told by his friends have also been used. Uspensky’s scientific data were published after WWII in a small book *The Common Eider and its Economy* (in Russian, 1946). He is described by his son not only as a scientist, but as a striking individual.

ТРИ ОРНИТОЛОГА

Этот номер Зоологического Журнала посвящен памяти трех орнитологов которые изучали арктических птиц – Владимиру Модестову (1912–1941), Юрию Кафтановскому (1912–1942) и Вячеславу Успенскому (1912 – 1943). Все три были молодыми многообещающими учеными и натуралистами. Они успели сделать удивительно много, но один за другим погибли на полях сражений Второй Мировой Войны. Биографии Модестова и Кафтановского хорошо известны поэтому представлены в данной статье короткими очерками. Судьба Вячеслава Успенского оказалась забытой, поэтому данная статья включает детальную историю сына Вячеслава о его отце, озаглавленную «Мой отец, которого я не знал». Вячеслав Успенский изучал обыкновенную гагу (*Somateria mollissima* (L.)) в заповеднике «Семь Островов» на Мурманском побережье Баренцева моря с 1938 по 1941. Биография основана на его дневниках, включающих в университетские годы полевые наблюдения в различных частях России. Его письма к жене из экспедиций и с фронта, а также истории рассказанные его друзьями были использованы в данном разделе. Его научные результаты были опубликованы в виде небольшой книги «Гага и гагачье хозяйство» (1946). Данный раздел описывает Вячеслава Успенского не только как ученого, но и как личность.